

Сегодня ему исполняется 80 лет. 44 из них он провел на посту «композитора страны № 1».

Признаюсь, хотел было начать сие писание в этаком философическом ключе: порассуждать о месте художника в обществе, о соотношении искусства и политики, о совместности артистической и административной карьеры. А вместо этого — надо же — в голову вдруг одна за другую стали приходить мелодии, губы сами зашептали: «Ночь листвою чуть колышет», «Друга я никогда не забуду», «Что так сердце, что так сердце растревожено».

Музыка Тихона Хренникова...

Сколько уж говорено об этом человеке — одной из самых интригующих фигур нашего искусства! Талантливейший композитор, чьи партитуры привлекали крупнейших дирижеров мира — Николая Голованова, Евгения Светланова, Леопольда Стоковского, Юджина Орманди... Музыкант, сотрудничество с которым искали выдающиеся театральные и кинорежиссеры — Владимир Немирович-Данченко, Иван Пырьев, Алексей Попов, Эльдар Рязанов, Борис Покровский... Десятый (самый младший) ребенок в семье елецкого приказчика, с малых лет одержимый музыкой, которую (о сладкие звуки жестокого романса, о милые сердцу патриархальные аккорды садового оркестра!) слышал повседневно и которую сам, по какой-то стихийной потребности, стал сочинять и, едва узнав ноты, записывать — все эти этюды, полки, вальсы...

В 15 лет он написал в Москву Михаилу Фабиановичу Гнесину: «...если Вы чувствуете, что сочинения мои никуда не годные, самые наипосредственнейшие, что в них не чувствуется ни малейших способностей, то придется бросить свои мечтания и ехать в деревню на работу в Советах (всем кончающим девяносто в деревне)...».

Сочинения, приложенные к письму, Гнесину понравились. И это решило судьбу юноши.

— Ох и трудно же тогда в Москве пришлось, — вспоминает Тихон Николаевич. — Вы знаете, у меня было только тридцать копеек в день, мне их давала сестра — сама не богачка. Не хватало даже на трамвай — я ходил пешком и к вечеру буквально валился с ног. От голода (как раз началась коллективизация) спасала рабочая столовая на Красной Пресне, я там подрабатывал, ну и кормился, конечно: все больше соей — тогда соя была в большой моде, считалось, что она заменяет собой и мясо, и овощи... Но я был готов на любые лишения. Техникум Гнесина закончил в три года, поступил в Московскую консерваторию сразу на второй курс, в класс чудесного композитора Виссариона Яковлевича Шебалина, а по фортелью — к самому Генриху Нейгаузу... Вскоре я написал Фортепианный концерт, Первую симфонию — их в 1936 году даже транслировали по радио на Америку. Но и поругивать меня уже тогда начали — кулачно, в печати: дескать, автор грешит убанистичностью, «московским Шостаковичем» даже величили...

Из рабочего дневника Т. Н. Хренникова 1930-х годов:

«Какие же черты являются характерными для нашей эпохи, отобразить которую можно по-настоящему, только овладев методом соцреализма? Несомненно, что ритмическая четкость, ясная перспектива, плавность, красота, динамичность, смелость дерзаний, развитие личной инициативы, монументальность, мужественная твердость, целесообразность, глубина и выразительность...»

В 1939 году имя Хренникова заносится на мраморную доску лучших выпускников Московской консерватории — после имен Скрибина, Рахманинова, Игумнова...

— Тихон Николаевич, и в 30-е, и тем более в 40-е годы вы были уже весьма известным композитором. Вашу песню «Прощание» во время войны пела вся страна, популярностью пользовалась музыка из кинофильма «Свинарка и пастух», из спектаклей «Много шума из ничего», «Давным-давно»... Но вот наступил 1948 год с его печально знаменитым постановлением ЦК ВП(Б) «Об опере «Великая дружба», удивившим по Прокофьеву, Шостаковичу, Мясковскому и другим классикам отечественной музыки. Вы были морально готовы к тому, что этот катаклизм вознесет вас стремительно на верх социальной лестницы, поставив во главе Союза советских композиторов?

— Известие о том, что меня назначают генеральным секретарем ССК, было как гром среди ясного неба. До сих пор я с абсолютной уверенностью не могу сказать, что подвигло Сталина на это решение. Хотя додгадки, конечно, есть. Ну, например, ему, а также Молотову и Ворошилову очень понравилась моя опера «В бурю» — они были на спектакле в театре Немировича-Данченко. Далее, их, возможно, привлекло, что за мной утвердилась репутация человека, не примыкающего ни к каким группировкам?

Отказаться? Сами понимаете, чём бы это мне грозило?

Л. И тогда я понял: я должен сделать все, чтобы воспользоваться властью, доставшейся мне, во благо, уберечь людей от самого страшного. Ну сами посудите, как я мог допустить, чтобы пострадал, например, Прокофьев, ведь это был мой брат.

— Что же конкретно вы делали для спасения людей?

— Ну, например, приходило указание — надо «выявить» сколько-то композиторов-кошмаролитов. В других союзах послушно готовили списки. А мы отвечали: у нас таковых нет. Или: нависал меч над кем-то из конкретных людей — так мы писали положительные характеристики на них...

— Неужели это действовало?

— Представьте, да. Видимо,

или «Тиша продался евреям», картинки — я на электрическом стуле, я на катафалке... Кончилось тем, что у меня случился нервный срыв, депрессия. Да добавок определили меня, на беду, в цековский санаторий «Барвиха» — ну там среди дубовых стен и охранников на каждом шагу у меня и вовсе начались галлюцинации. Я бы там загнулся, это точно — если бы не Клара, верный друг, жена моя: взяла машину с шофером, якобы проводить, положила меня на пол между сиденьями и увезла под самым носом у охраны...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

Те страшные годы не прошли бесследно, эхо их до сих пор живо. И дело тут не только в воспоминаниях. В годы так называемой перестройки некоторые «товарищи по цеху» — кто-то в искреннем желании донести до истинны, а кто-то (таких больше) из чисто конъюнктурных соображений — стали усиленно ворочать прошлое, отыскивать в

стоящий фейерверк блестящих работ Георгия Свиридова, Родиона Щедрина, Андрея Эшпая, Бориса Чайковского, Андрея Петрова, Велью Тормиса из Эстонии, Гии Канчели из Грузии, Евгения Станкевича с Украины...

И сравним с тем, что делается сейчас. Издательство «Советский композитор» (теперь — просто «Композитор») фактически перестало выпускать современную отечественную музыку, наши музыкальные журналы балансируют на грани закрытия. Люди уезжают из страны, филармоническая деятельность вянет... Надо ли удивляться, что в таких условиях композиторы один за другим замолкают? Да я знаю некоторых своих коллег, которые живут тем, что распрашивают домашние вещи...

— Но можно ведь спонсора найти...

— Спонсора... Сегодня он спонсор, а завтра профуклся. Государство должно быть главным спонсором — во всяком случае,



Груд - 1993-10 школа - СЧ
Тихон ХРЕННИКОВ:

«Я ЛЕГ НА ДНО МАШИНЫ, И ОХРАНА МЕНЯ НЕ ЗАМЕТИЛА»

то, что я был назначен лично Сталиным (это уж на последующих композиторских съездах меня стали нормально избирать), придавало мне определенный вес. Даже когда на меня поступали доносы (а это случалось весьма часто), им не давали ходу. Суслов лишь показывал их мне: вот, дескать, почтайте, вам полезно знать, что пишут о вас ваши же коллеги.

— Вы можете назвать имена доносящих?

— Нет, Бог им судья.

— Но по крайней мере те, кто писал погромный доклад, который вам пришлось прочесть на 1-м съезде советских композиторов, вам известны?

— Известны. Позвольте и о них умолчать. Тем более что и называть-то некого, последний умер недавно. Мне, знаете, жена одного из них как-то написала письмо, и с такими потрясающими словами благодарности в мой адрес, что я сперва даже опешил — за что? Потом понял: за мое молчание.

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

В годы сталинщины действительно не был репрессирован ни один композитор Москвы, Ленинграда, других городов страны (если не считать кратковременного ареста Вайнберга и Веприка). Любопытная деталь: продолжала нормально функционировать библиотека Союза композиторов, из нее не были изъяты партитуры Шёнберга, Хиндемита, Берга и других авторов, объявленных формалистами, члены Союза могли свободно с ними знакомиться. Часто, например, это делал Р. М. Глиэр. До сих пор здесь хранились формуляры с его подписью.

В 1957 году Хренников был первым из руководителей творческих союзов, кто осмелился предложить тогдашнему главе страны — Н. С. Хрущеву — пересмотреть наиболее одиозные положения постановления конца 40-х годов. Разговор состоялся во время представления оперы «Мать» в Большом театре. Знаменитые хренниковские обаяние и обходительность возвели действие. Через три месяца желаемое «контрпостановление» ЦК было принято.

— Тихон Николаевич, но ведь лавировать против течения очень непросто. Случалось ли, что вы чувствовали: и карьера, и, возможно, сама ваша жизнь висят на волоске?

— Еще как случалось. Все время приходилось встраиваться в рискованные дела. За одних только ссылочных сколько раз вступался... Например, за знаменитого нашего тенора Печковского; тогда при помощи Ворошилова удалось вернуть его в Ленинград, в Кировский театр. Ну эта-то история благополучно кончилась — а бывало ведь и хуже. После одного такого моего ходатайства (я пытался вызволить из ссылки знакомую женщину, великого культработника — она до войны руководила Парком имени Горького) меня вызвали в ЦК. Вы, мол, хлопотали за жену расстрелянного троцкиста такого-то? Так вот, имеите в виду, что генерал, который дал разрешение на ее прописку в Москве, уже снят с работы, а вас мы предупреждаем — если и впредь будете пособничать врагам народа, пеняйте на себя...

Но это еще цветочки, а по-настоящему худо мне пришло в 1950 году. Сказались страшное нервное переутомление, постоянный избыток отрицательных эмоций: ну представьте, дня не проходило, чтобы я не вытащил из почтового ящика какую-нибудь гадость — записки «Тиша лопух»

или «Тиша продался евреям», картинки — я на электрическом стуле, я на катафалке... Кончилось тем, что у меня случился нервный срыв, депрессия. Да добавок определили меня, на беду, в цековский санаторий «Барвиха» — ну там среди дубовых стен и охранников на каждом шагу у меня и вовсе начались галлюцинации. Я бы там загнулся, это точно — если бы не Клара, верный друг, жена моя: взяла машину с шофером, якобы проводить, положила меня на пол между сиденьями и увезла под самым носом у охраны...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

За свою долгую деятельность во главе Союза композиторов ему не раз приходилось сражаться за собратьев по перу, исповедовавших самую разную «музыкальную веру».

Так, на одном из совещаний в ЦК возник вопрос: как СК допустил, что симфония Карла Караваева использована формалистической техникой додекафонии? Хренников, хорошо

знав психиатрию партийного начальства, ответил коротко, в привычной для этих людей политической лексике: «Да какая это додекафония! Это нормальная советская музыка».

Угроза миновала. А через несколько лет за ту же симфонию Караваева был удостоен Ленинской премии...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

За свою долгую деятельность во главе Союза композиторов ему не раз приходилось сражаться за собратьев по перу, исповедовавших самую разную «музыкальную веру».

Так, на одном из совещаний в ЦК возник вопрос: как СК допустил, что симфония Карла Караваева использована формалистической техникой додекафонии? Хренников, хорошо

знав психиатрию партийного начальства, ответил коротко, в привычной для этих людей политической лексике: «Да какая это додекафония! Это нормальная советская музыка».

Угроза миновала. А через несколько лет за ту же симфонию Караваева был удостоен Ленинской премии...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

За свою долгую деятельность во главе Союза композиторов ему не раз приходилось сражаться за собратьев по перу, исповедовавших самую разную «музыкальную веру».

Так, на одном из совещаний в ЦК возник вопрос: как СК допустил, что симфония Карла Караваева использована формалистической техникой додекафонии? Хренников, хорошо

знав психиатрию партийного начальства, ответил коротко, в привычной для этих людей политической лексике: «Да какая это додекафония! Это нормальная советская музыка».

Угроза миновала. А через несколько лет за ту же симфонию Караваева был удостоен Ленинской премии...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

За свою долгую деятельность во главе Союза композиторов ему не раз приходилось сражаться за собратьев по перу, исповедовавших самую разную «музыкальную веру».

Так, на одном из совещаний в ЦК возник вопрос: как СК допустил, что симфония Карла Караваева использована формалистической техникой додекафонии? Хренников, хорошо

знав психиатрию партийного начальства, ответил коротко, в привычной для этих людей политической лексике: «Да какая это додекафония! Это нормальная советская музыка».

Угроза миновала. А через несколько лет за ту же симфонию Караваева был удостоен Ленинской премии...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

За свою долгую деятельность во главе Союза композиторов ему не раз приходилось сражаться за собратьев по перу, исповедовавших самую разную «музыкальную веру».

Так, на одном из совещаний в ЦК возник вопрос: как СК допустил, что симфония Карла Караваева использована формалистической техникой додекафонии? Хренников, хорошо

знав психиатрию партийного начальства, ответил коротко, в привычной для этих людей политической лексике: «Да какая это додекафония! Это нормальная советская музыка».

Угроза миновала. А через несколько лет за ту же симфонию Караваева был удостоен Ленинской премии...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

За свою долгую деятельность во главе Союза композиторов ему не раз приходилось сражаться за собратьев по перу, исповедовавших самую разную «музыкальную веру».

Так, на одном из совещаний в ЦК возник вопрос: как СК допустил, что симфония Карла Караваева использована формалистической техникой додекафонии? Хренников, хорошо

знав психиатрию партийного начальства, ответил коротко, в привычной для этих людей политической лексике: «Да какая это додекафония! Это нормальная советская музыка».

Угроза миновала. А через несколько лет за ту же симфонию Караваева был удостоен Ленинской премии...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

За свою долгую деятельность во главе Союза композиторов ему не раз приходилось сражаться за собратьев по перу, исповедовавших самую разную «музыкальную веру».

Так, на одном из совещаний в ЦК возник вопрос: как СК допустил, что симфония Карла Караваева использована формалистической техникой додекафонии? Хренников, хорошо

знав психиатрию партийного начальства, ответил коротко, в привычной для этих людей политической лексике: «Да какая это додекафония! Это нормальная советская музыка».

Угроза миновала. А через несколько лет за ту же симфонию Караваева был удостоен Ленинской премии...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

За свою долгую деятельность во главе Союза композиторов ему не раз приходилось сражаться за собратьев по перу, исповедовавших самую разную «музыкальную веру».

Так, на одном из совещаний в ЦК возник вопрос: как СК допустил, что симфония Карла Караваева использована формалистической техникой додекафонии? Хренников, хорошо

знав психиатрию партийного начальства, ответил коротко, в привычной для этих людей политической лексике: «Да какая это додекафония! Это нормальная советская музыка».

Угроза миновала. А через несколько лет за ту же симфонию Караваева был удостоен Ленинской премии...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

За свою долгую деятельность во главе Союза композиторов ему не раз приходилось сражаться за собратьев по перу, исповедовавших самую разную «музыкальную веру».

Так, на одном из совещаний в ЦК возник вопрос: как СК допустил, что симфония Карла Караваева использована формалистической техникой додекафонии? Хренников, хорошо

знав психиатрию партийного начальства, ответил коротко, в привычной для этих людей политической лексике: «Да какая это додекафония! Это нормальная советская музыка».

Угроза миновала. А через несколько лет за ту же симфонию Караваева был удостоен Ленинской премии...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

За свою долгую деятельность во главе Союза композиторов ему не раз приходилось сражаться за собратьев по перу, исповедовавших самую разную «музыкальную веру».

Так, на одном из совещаний в ЦК возник вопрос: как СК допустил, что симфония Карла Караваева использована формалистической техникой додекафонии? Хренников, хорошо

знав психиатрию партийного начальства, ответил коротко, в привычной для этих людей политической лексике: «Да какая это додекафония! Это нормальная советская музыка».

Угроза миновала. А через несколько лет за ту же симфонию Караваева был удостоен Ленинской премии...

Из бесед с коллегами Т. Н. Хренникова:

За свою долгую деятельность во главе Союза композиторов ему не раз приходилось сражаться за собратьев по перу, исповедовавших самую разную «музыкальную веру».